

*А.А. Славко***Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти**

Ключевые слова: нормативно-правовая база, детская беспризорность, Советская Россия 1920-х гг.

Key words: normative-legal base, children's homelessness, Soviet Russia of 1920-es.

В начале XX в. в России существовала сеть благотворительных учреждений и заведений, оказывающих помощь детям с разными социальными проблемами. Функционировала система воспитательно-исправительных учреждений, в которые попадали беспризорные дети. Основным источником дохода подобных учреждений были материальное пожертвование церквей и монастырей, средства частных предпринимателей и др. В 1902 г., например, в России действовало 11,4 тыс. благотворительных учреждений и 19108 попечительских советов, средства которых направлялись на создание учебно-воспитательных учреждений, содержание домов для бедных детей, ночных приютов для бродяжек, народных столовых, амбулаторий и больниц. В этот период благотворительность принимает светский характер. Личное участие в ней воспринимается обществом как нравственный поступок. Благотворительность связывается с благородством души и считается неотъемлемым делом каждого [1, с. 14–15].

После Октябрьской революции 1917 г. система благотворительных учреждений для детей была уничтожена, а государственного механизма защиты детей-сирот не существовало. Длительное время в отечественной историографии начало формирования государственной системы социального обеспечения детей было связано с созданием в ноябре 1917 г. Наркомата государственного призрения. На него возлагалось оказание помощи несовершеннолетним и престарелым. Специальная коллегия занималась вопросами охраны материнства и детства. Ее возглавила первый нарком социального обеспечения А.М. Колонтай. В апреле 1918 г. Наркомат призрения был переименован в Наркомат социального обеспечения [2, с. 80]. Позже, в 2000-х гг., появилась другая точка зрения, согласно которой создание государственной системы защиты детей-сирот в России началось раньше, после февраля 1917 г., с образованием Министерства социальной помощи. В его структуре находилось управление помощи беспризорным детям и нуждающимся. С установлением советской власти функции этого управления были переданы Наркомату государственного призрения [3, с. 58].

Меняется механизм ликвидации правонарушений среди беспризорников. Согласно Декрету о комис-

сиях для несовершеннолетних, принятого 17 января 1918 г., упразднялись суды и тюремное заключение для малолетних. Дела о несовершеннолетних обоих полов до 17 лет теперь передавались в Комиссию для несовершеннолетних. Такие комиссии находились в исключительном ведении Народного комиссариата общественного призрения и включали в себя представителей трех ведомств: общественного призрения, народного просвещения и юстиции в количестве не менее трех человек, причем одним из них обязательно должен был быть врач [4, с. 882–886].

Постоянно усложняющаяся экономическая и социальная обстановка, резкий рост численности беспризорников, практически неуправляемая ситуация потребовали принятия новых мер, в том числе организационного характера. К делу борьбы с беспризорностью подключается общественность. По инициативе В.Г. Короленко осенью 1918 г. создается независимая общественная организация – Лига спасения детей. Ее возглавили Е.Д. Кускова, Н.М. Кишкин, Л.А. Тарасевич, Е. Пешкова и др. Это была официальная общественная организация, утвержденная Советом народных комиссаров (Совнаркомом, СНК). За короткий срок своей деятельностью лига помогла 3,5 тыс. детей [5, с. 94]. Лига не делала различий между детьми красных и белых. Она занималась лечением детей, их первоначальной социальной адаптацией и отправкой в колонии или другие детские учреждения.

Наряду с лигой существовала государственная организация – Совет защиты детей. Совет народных комиссаров принял специальное постановление «Об учреждении Совета защиты детей» 1 января 1919 г. В состав совета вошли председатель Народного комиссариата по просвещению, а также по одному представителю от народных комиссариатов: социального обеспечения, здравоохранения, продовольствия и труда [6, ст. 32]. Совет защиты детей как особый чрезвычайный орган начал функционировать согласно Декрету от 10 февраля 1919 г. Совет под председательством А.В. Луначарского не имел своих детских учреждений и не занимался воспитанием беспризорников. В основном он выполнял контрольные и координационные функции.

В мае 1919 г. был принят Декрет СНК о бесплатном питании детей, которым отменялись телесные наказания, суды и тюремное заключение для малолетних. 4 марта 1920 г. на заседании Совнаркома был обсужден и утвержден Декрет о суде над несовершеннолетними.

Усиливалась деятельность по организации лечебно-воспитательных учреждений для дефективных несовершеннолетних, возрастал надзор за личным составом членов комиссий о несовершеннолетних с точки зрения выполнения своих обязанностей [7, с. 254].

5 марта 1920 г. постановлением Наркомата образования создается специальная детская милиция. Кроме того, в постановлении подчеркивалась необходимость скорейшей организации бесплатного питания для беспризорников, а также создания детских приемников, потому что помещение детей в общие участки милиции, как было до этого, оказывало только крайне вредное воздействие на ребенка.

Детский приемник-распределитель, или просто приемник, с этого времени становится первичным учреждением, через которое проходил беспризорный ребенок. Из него дети направлялись на место постоянного пребывания (детские дома, колонии, детские городки, коммуны и др.). Лишь небольшое число возвращали родителям или родственникам [8, с. 112–114]. Детские приемники подчинялись непосредственно Наркомпросу РСФСР и его местным органам. Численность этих учреждений в динамике за 1920-е гг. выявить не удалось.

В 1920 г. Наркомпрод наложил вето почти на все запасы продовольствия Лиги, сформированные российским, американским и датским отделениями Красного Креста, и передал к началу января 1921 г. все детские учреждения Лиги в распоряжение Московского отдела народного образования [5, с. 94].

Во изменение и развитие Декрета об учреждении Комиссии о несовершеннолетних, совершивших общественно-опасные деяния, 4 марта 1920 г. Совет Народных Комиссаров принимает новое постановление [9, с. 28–29]. Повышается возраст несовершеннолетних с 17 до 18 лет, Наркомюсту вменяется в обязанность помещать несовершеннолетних отдельно от взрослых. Дела о несовершеннолетних, замеченных в общественно-опасных действиях, подлежат ведению только комиссии о несовершеннолетних. Комиссия устанавливает возможность применения к несовершеннолетним мер медико-педагогического воздействия, либо передает дело в народный суд. Но главное, Наркомюст совместно с Наркомпросом обязаны были приступить к организации соответствующих учреждений, так называемых реформаториев.

Комиссии о несовершеннолетних (предлог «для» был заменен на «о») теперь образовывались при Наркомпросе и его губернских и уездных органах. В эти комиссии в обязательном порядке входили представители Наркомпроса, Наркомздрава (врач-психиатр) и народного суда. Состав комиссии предполагался из семи человек: председатель, назначаемый Президиумом ВЦИК, и шесть членов, по одному от Наркомпрода, Наркомпроса, Рабочее-Крестьянской

инспекции, Наркомздрава, ВЧК и ВЦСПС. Возглавил ее Ф.Э. Дзержинский.

На комиссию возлагались следующие задачи: помощь в продовольствии, жилище, топливе и другом учреждениям, ведающим охраной жизни и здоровья беспризорных детей; контроль за выполнением соответствующих постановлений центральных и местных органов в отношении детей; издание распоряжений, касающихся охраны жизни и здоровья детей.

Комиссии по делам несовершеннолетних применяли к правонарушителям только меры медико-педагогического воздействия, помещали их в детские дома или лечебно-воспитательные учреждения, трудовые дома, определяли на работу и пр.

По инициативе Ф.Э. Дзержинского, в начале 1920-х гг. получил развитие второй тип учреждений для несовершеннолетних преступников – трудкоммуны ОГПУ. В отличие от первых это были учреждения открытого типа. Их работа строилась на началах сознательной дисциплины и широкого самоуправления. В них правонарушители приобщались «к коллективному труду индустриального типа» [5, с. 96].

В январе 1921 г. при ВЦИК учреждается Комиссия по улучшению жизни детей, или Деткомиссия ВЦИК. Она обладала «контрольно-содействующими» функциями и состояла из председателя и 6 членов. На Деткомиссию ВЦИК были возложены следующие обязанности: «а) помощь в отношении продовольствия, жилищ, топлива и т. д. учреждениям, которым вверена забота о детях, и в первую очередь оказание помощи учреждениям, ведающим охраной жизни и здоровья беспризорных детей; б) наблюдение за выполнением постановлений, изданных в ограждение детей и в целях обеспечения их всем необходимым; в) издание на основе действующих законов распоряжений, касающихся охраны жизни и здоровья детей» [4, с. 863]. Первое время Комиссия решала все вопросы сама на собственных заседаниях либо силами своих членов. Для улучшения деятельности Комиссии ВЦИК к апрелю 1921 г. было создано 14 подкомиссий.

В марте–апреле 1921 г. Деткомиссия ВЦИК разослала серию циркуляров губуполномоченным. В них предписывалась необходимость реализации положений циркуляра Наркомпроса от 1 ноября 1920 г. об организации на вокзалах и пристанях дежурных пунктов детской инспекции. Цель была одна – прекратить движение беспризорных детей. Ставится вопрос об организации детских вокзальных столовых, приоритетного снабжения оборудованием и инвентарем детских учреждений для беспризорных: детских домов, приютов, колоний, больниц. Для этих целей продукты и товары изымались из общего распределения [9, с. 38].

Деятельность Совета защиты детей не принесла ощутимых результатов, положение стало критическим. За два года своего существования Совет защиты детей

«растерял данные ему права и полномочия, из органа межведомственного, направляющего и толкающего работу ведомств в указанной области превратился в просто придаток Наркомпроса, толкающийся сам в различных ведомствах» [9, с. 38].

23 декабря 1921 г. издается Декрет об организации детской социальной инспекции. Ее члены за мизерную плату работали в детских приемниках. По аналогии с сестрами милосердия их называли «сестрицами» [10].

При каждом местном органе народного образования (ОНО) создаются отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН). В их структуру входили: стол опеки, детский адресный стол, юридическая часть и Комиссия по делам несовершеннолетних («Комнес»). Руководящим органом являлась Центральная комиссия по делам несовершеннолетних. Помимо них существуют детские социальные инспекции (ДСИ). «Если отделы СПОН больше занимались циркулярной работой и проведением заседаний, то социальные инспекторы работали «на ногах», проводя облавы на беспризорников, обследования условий содержания детей в приютах, неся дежурство в местах скопления подопечного «контингента» [5, с. 35]. Однако недостаточное финансирование и, как следствие, постоянное сокращение штатов привели к тому, что в 1922 г. в стране было только около 400 детских инспекторов [11, л. 50].

В 1922 г. по Уголовному кодексу РСФСР снижается возраст несовершеннолетних, находящихся в ведении Комиссии, до 16 лет. Дела 16–18 летних теперь перешли в нарсуд.

Работу с беспризорными детьми в 1923 г. в стране возглавляет Главное управление по социальному воспитанию (Главсоцвос). Для реализации этих целей в нем был создан отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных.

Хотя 1923 г. был назван годом перехода к плановой борьбе с беспризорностью, на деле именно с этого времени работа с беспризорными детьми существенно ослабляется. На местах появилась тенденция резкого сокращения численности детских учреждений, массовые переброски детей, многие беспризорники опять были выброшены на улицу. Все это потребовало принятия ряда новых экстренных мер.

20 июня 1924 г. СНК РСФСР издает специальное постановление, категорически запрещающее массовую реэвакуацию детей и переброску их из одной местности в другую. Вводятся жесткие правила реэвакуации, которая допускается только в тех случаях, если установлен факт проживания родителей или родственников в той местности, куда направляется ребенок, и возможность для этих лиц принять детей на свое иждивение [12, с. 142–143].

Постепенное накопление в детских учреждениях значительного числа воспитанников, достигших

работоспособного возраста, потребовало незамедлительного разрешения данного вопроса. В связи с этим 21 сентября 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР издают постановление, согласно которому на НКТруд и его местные органы возлагается обязанность размещать воспитанников детских домов, достигших работоспособного возраста, на производственную работу. Согласно этому постановлению подросших беспризорников необходимо было трудоустраивать наравне с обычными подростками в счет брони и даже сверх брони на производство, в школы фабрично-заводского ученичества, спецшколы рабочих подростков и др.

Недостаток средств заставил сокращать численность детей в интернатах за счет перераспределения их на патронат за плату. 13 февраля 1926 г. Малым СНК было представлено на рассмотрение СНК РСФСР два законопроекта, содержащих мероприятия по борьбе с детской беспризорностью. Первый законопроект «Об организации дела борьбы с детской беспризорностью РСФСР» включал основные направления работы в этой области. В нем предусматривалось существование детской социальной инспекции, находящейся в ведении местных отделов народного образования. В ее задачи входило как обследование неблагоприятных семей, так и «участие в организации советской общественности для осуществления мероприятий по борьбе с детской беспризорностью» [13]. Во втором законопроекте «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью» изложены конкретные меры в отношении беспризорных. СНК поручил Госплану РСФСР разработать план борьбы с беспризорностью и представить его на рассмотрение не позднее 1 мая 1926 г. Также по поручению СНК Наркомпрос должен был принять меры к выпуску из детских домов подростков, достигших 18 лет, устроив их на работу через регистрацию на бирже труда [13].

8 марта 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР. В нем предусматривалась временная или частичная помощь тем беспризорникам, которые оказались таковыми из-за тяжелой болезни родителей или лиц, у которых они воспитывались. Сюда же причислялись дети, находящиеся на содержании только одной матери, лишенной заработка, либо из-за временного отсутствия родителей или лиц, на содержании которых они находились [12, с. 143].

Положение впервые содержало перечень основных мер по борьбе с беспризорностью, подразделенных на 12 пунктов: передача детей на попечение родственников или других согласных на это лиц; помещение их в семьи, которым затем будет оказана материальная поддержка; отправка в учреждения охраны материнства и младенчества; помещение в детские учреждения различных типов; содержание в лечебных или медико-педагогических учреждениях; нахождение в производственных, промышленных или сельскохо-

зяйственных учреждениях; для несовершеннолетних правонарушителей – помещение в трудовые дома и другие учреждения НКВД; временное содержание в приемно-распределительных пунктах; направление в ясли, детские очаги и сады; оказание материальной и иной помощи на дому; устройство в учебно-производственные мастерские, профессиональные школы и техникумы, к отдельным ремесленникам и кустарям и др.; назначение опеки и наблюдения со стороны «обследователя-воспитателя», детского социального инспектора или любого другого лица, выделенного общественными организациями.

По Положению законодательно общее руководство по проведению в жизнь всех вышеперечисленных мероприятий возлагалось на Наркомпрос РСФСР. На местах данную работу вели соответствующие отделы народного образования, а в сельских местностях – волостные исполнительные комитеты и сельские советы. Деятельность по согласованию и объединению усилий государственных и общественных организаций по ликвидации беспризорности возлагались Положением на Комиссию по улучшению жизни детей при ВЦИК, а также местные комиссии. При этом состав Деткомиссии расширялся за счет привлечения представителей общественных организаций.

Положение устанавливало и финансовые источники. Борьба с детской беспризорностью должна была осуществляться за счет местных и государственных бюджетов, причем слово «местных» стояло на первом месте. Кроме того, источником финансирования являлись средства Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, в том числе местных фондов помощи беспризорным детям, Фонда имени В.И. Ленина, средств общественных организаций, а также получаемых от предприятий при детских учреждениях [12, с. 143–144]. Таким образом, рассмотренное Положение содержало организационные и материальные основы для работы с детской беспризорностью. Тем самым государство пыталось внедрить путь целенаправленной деятельности по ликвидации детской беспризорности.

Спустя незначительное время, 5 апреля 1926 г., ВЦИК и СНК РСФСР принимают новое постановление, которое устанавливало порядок и условия передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи. С целью мотивации последних каждому крестьянскому двору, принимающему на воспитание детдомовца, выделялся дополнительный (на долю этого воспитанника) земельный участок из запасного земельного фонда. Данный участок земли освобождался на 3 года от единого сельскохозяйственного налога. Кроме того, крестьянскому двору, взявшему беспризорника, оказывалась единовременная помощь для хозяйственного обзаведения. Крестьянский же двор, принявший беспризорника, был обязан содержать его наравне с остальными членами семьи, приучать к

ведению сельского хозяйства. Здесь же воспитанник должен был иметь «возможность получения знаний и политического развития» [12, с. 145]. Крестьяне откликнулись на это решение положительно. Дети, переданные в крестьянские семьи, чаще всего выполняли домашнюю работу, или уходили на заработки вместе с главой семей, были сыты и одеты, посещали школу. В этом случае никаких жалоб с обеих сторон не было. Вместе с тем встречались факты использования ребенка на домашней работе «больше, чем полагается». Кто-то из детей находился в бегах и не проживал с семьей, хотя числился за ней [14, л. 182–184].

13 августа 1926 г. ЦИК и СНК СССР издают постановление о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью. Это постановление содержало ряд налоговых льгот для учреждений и предприятий детских комиссий. На нужды борьбы с детской беспризорностью устанавливалась целевая надбавка к акцизу с пива, к продажной стоимости игральных карт. Вводится льготный тариф по социальному страхованию кустарей и ремесленников, взявших на содержание и обучение беспризорных детей, в размере 5%. В первый же год они полностью освобождались от социального страхования, при этом помощь со стороны органов социального страхования полностью сохранялась [14, л. 182–184].

Почти одновременно, 19 августа 1926 г., СНК РСФСР принимает постановление, в котором приводятся конкретные цифры по реализации предыдущих постановлений. Так, в течение одного 1926 г. намечалась передача 19 тыс. детей в крестьянские семьи и на производства. Для этих целей на оказание единовременной помощи ассигновывалось 950 тыс. руб. (по 50 руб. на каждого). Выделялась и единовременная помощь на 4 тыс. детей, передаваемых из детских домов родственникам, по 60 руб. каждому (всего 240 тыс. руб.). Для усиления трудовой подготовки детей в детских домах – на организацию мастерских предусматривалось 500 тыс. руб. На организацию 41 ночлежного пункта для беспризорных детей и их содержание выделялось 91,5 тыс. руб. Для организации и содержания медико-педагогических учреждений на 500 беспризорных детей (эпилептиков, психопатов и наркоманов) предназначалось 193 тыс. руб. На трудовые дома для трудновоспитуемых детей ассигновалось 100 тыс. руб. Кроме того, на организацию новых учреждений для беспризорных детей в постановлении была зафиксирована цифра в 350,5 тыс. руб. [14, л. 145–146].

Передача детей была оформлена законодательно в Кодексе ЗАГС, утвержденным ВЦИК 19 ноября 1926 г. По кодексу восстанавливался институт усыновления, что для беспризорных детей было особенно важно.

Выработка основных нормативных актов, позволивших подвести под дело борьбы с детской беспризорностью правовую основу, позволила в сентябре того же года принять трехлетний план этой борьбы.

План предполагал выполнение трех основных задач:

полную ликвидацию уличной беспризорности за счет формирования новой сети детских учреждений; осуществление профессиональной подготовки такого уровня, который позволил бы ускорить процесс выпуска детей из детдомов;

предупреждение беспризорности путем помощи малообеспеченным семьям.

С целью повышения эффективности работы 20 июня 1927 г. Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК и соответствующие местные комиссии получают налоговые льготы. Они были предоставлены всем учреждениям комиссий (колониям, санаториям, домам отдыха); производственным, торговым и зрелищным предприятиям, находящимся в непосредственном ведении комиссий; всем учебно-производственным мастерским, торговым предприятиям, реализуемым исключительно предметы, изготовленные в детских учебно-производственных мастерских; столовым, обслуживающим детей. Льготное налогообложение было со спектаклей, концертов, вечеров, а также базаров, организуемых с целью извлечения средств на борьбу с детской беспризорностью [11, л. 9–11об.].

Однако десятилетний юбилей советской власти показал, что решение проблемы ликвидации беспризорности было далеко от завершения. Формирование системы государственных и общественных институтов по ликвидации детской беспризорности сталкивалось с огромными трудностями в реализации поставленных перед ними задач. Численность беспризорных детей оставалась значительной, поэтому государство с конца 1927 г. в качестве основных методов изъятия детей с улицы начинает использовать «военно-чекистские» операции, что знаменует новый этап в работе с беспризорниками.

К концу 1927 г. руководство страны по отношению к беспризорникам вновь возвращается к методам «чрезвычайщины» и «кавалерийского наскока». Достижения советской страны за 10 лет по борьбе с беспризорностью, которые она пыталась продемонстрировать всему миру, были несовместимы с реальным положением детей. Как отмечалось на Всероссийской конференции работников детдомов (15–20 ноября 1927 г.), «на местах дело борьбы с беспризорностью ведется сплошь и рядом в форме спорадических кампаний, которые ставятся после очередного нажима со стороны центра или же к десятилетнему юбилею. В таких случаях на 2–3 недели внимание общественности мобилизуется, а затем опять с беспризорностью все спокойно» [16, с. 63].

Говорить о свертывании дела ликвидации беспризорности не представляется возможным хотя бы потому, что, как подчеркивали современники, беспризорность в конце 1920-х гг. все еще имела огромные размеры и без принятия соответствующих мер «будет

распространяться все более и более». Именно поэтому со страниц публикаций звучали призывы к усилению внимания вопросам беспризорности со стороны государственных и общественных организаций [12, с. 139].

В циркуляре Наркомпроса от 19 марта 1928 г. задача по ликвидации уличной беспризорности приравнивается к «боевому заданию». 5 апреля 1928 г. ЦК ВКП(б) издает указание о ликвидации «в основном» детской беспризорности за один-два года. При этом полностью искоренить уличную беспризорность намечалось к весне 1929 г. В ночь с 12 на 13 апреля 1928 г. по всей стране началась массовая акция по «изъятию» беспризорников. Это была хорошо организованная крупномасштабная операция: «было четко спланировано сосредоточение основных сил и средств, определялось направление главного «удара», обеспечивались строжайшая секретность операции, согласованность совместных действий, проведение тщательной разведки» [5, с. 96].

Отсутствие соответствующего законодательства приводило к нарушению прав беспризорных детей, не совершивших преступления. Тогда советские органы срочно принимают циркуляры, согласно которым бродяжничество и беспризорность с 13 апреля 1928 г. стало рассматриваться «как преступность, подлежащая немедленному искоренению» [5, с. 97].

Итак, говоря о ситуации, сложившейся с детской беспризорностью в 1920-е гг., не следует забывать о тех усилиях государства и общественности, которые были направлены на борьбу с ней. Подводя определенные итоги, С. Тизанов еще в 1924 г. выделил четыре этапа в реализации государственной политики в области охраны детства. Продолжая их, отметим еще два.

Первый этап – развитие охраны детства датируется с Октябрьской революции по январь 1920 г. В этот период провозглашается основной лозунг «Все дети – дети всего государства». Зарождается идея социального воспитания.

Второй этап – 1920–1921 гг. Решение задач охраны детства с января 1920 г. возлагается на Отдел охраны детства Наркомпроса. Перед ним стоит задача спасения детей от голода и смерти. Вопросы воспитания отодвигаются на второй план. Организуется детская социальная инспекция. Процесс создания и строительства детских учреждений идет стихийно.

Третий этап (1922 – начало 1923 г.). Центральное место в деле охраны детства продолжает занимать борьба с беспризорностью и ликвидация последствий голода. Увеличиваются темпы роста детской беспризорности, принявшей «характер большого социального бедствия». Наблюдается резкое и при этом хаотичное сокращение числа детдомов. Ставится вопрос об организации правовой помощи детям.

Четвертый этап охватывает 1923–1924 гг. Для него характерно начало систематической и плановой работы с детской беспризорностью. В качестве важнейшего условия успешной ликвидации и воспитания беспризорников «в духе революционно коммунистического пролетариата» выдвигалась идея широкого привлечения «рабочее – крестьянской общественности» [17, с. 11–12]. Считаем, что четвертый период может быть увеличен до 1925 г. включительно, поскольку он не отличается радикальными изменениями в государственной политике в отношении беспризорничества.

Следующие два года, 1926 и первая половина 1927 г., являются периодом формирования нормативной базы

для работы с беспризорничеством, попыткой максимально ликвидировать массовую детскую беспризорность с помощью созданной системы государственных учреждений и общественных организаций. Принятые нормативные документы законодательно оформили организационную и материальную стороны процесса ликвидации детской беспризорности. Выделяются крупные денежные ассигнования. Сложилась система детских учреждений для беспризорников.

Заключительный этап (вторая половина 1924 г. – конец 1929 г.) был связан с идеей полной ликвидации детской беспризорности. Сокращается численность детских домов, а также денежные ассигнования на них.

Библиографический список

1. Галагузова, М.А. Социальная педагогика / М.А. Галагузова. – М., 2001.
2. Коржихина, Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. / Т.П. Коржихина. – М., 1995.
3. Зезина, М.Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР / М.Р. Зезина // Педагогика. – 2000. – № 3.
4. Зилов, С.А. Детское право / С.А. Зилов // Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучки. – М., 1925. – Т. 1.
5. Кривоносов, А.В. Исторический опыт борьбы с беспризорностью / А.В. Кривоносов // Государство и право. – 2003. – №7.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1919. – №3. – 10 февр.
7. Ленин, В.И. О суде над несовершеннолетними: заметки и поправки к проекту декрета / В.И. Ленин // Ленин В.И. О воспитании и образовании. – М., 1987.
8. Дети улицы: образование и социальная адаптация безнадзорных детей. – М., 2001.
9. Дети ГУЛАГа: 1918–1956 (Россия. XX век. Документы) / сост. С.С. Виленский и др. – М., 2002.
10. Жукова, Л. «Не имея родного угла...»: исторический опыт борьбы с беспризорностью детей / Л. Жукова, Г. Ульянова [Электронный ресурс]. URL: www.edulib.ru.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-5443. – Оп. 26. – Д. 24.
12. Богуславский, М. Борьба с детской беспризорностью в РСФСР / М. Богуславский // Красная Новь. – 1927. – №8.
13. Уральский рабочий. – 1926. – 16 февр.
14. Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-148. – Оп. 1. – Д. 432.
15. ГА РФ. – Ф.Р-3316. – Оп. 21. – Д. 299.
16. Эпштейн, М. Состояние детской беспризорности и очередные задачи борьбы с ней / М. Эпштейн // Народное просвещение. – 1928. – №1.
17. Тизанов, С. Итоги и перспективы социально-правовой охраны несовершеннолетних / С. Тизанов // Социально-правовая охрана детей и подростков и детский дом. – М., 1924.